

Минск принадлежит к числу больших и красивых городов Западной России и при настоящем своем благоустройстве и обновленном виде, послѣ пожара въ 1835 году, можетъ быть названъ столицей Бѣлоруссїи; онъ обширнѣе и щедродатѣе Могилева и Витебска. За исключеніемъ Троицкаго предмѣстья, Татарскаго Конца и нѣкоторыхъ глухихъ переулковъ по окраинамъ го-

рода, въ Минскѣ всѣ дома каменные и болѣею частью очень большіе, а улицы довольно гладко вымощены камнемъ и содержатся очень опрятно. Раскинутый на горахъ и крутизнахъ, Минскъ почти со всѣхъ трактовъ или въѣздовъ представляетъ прекрасный видъ; но особенно открытый и картинный видъ отъ вѣзда борисовскаго, начиная отъ Комаровки. Предъ вами раскидывается панорама нѣсколькихъ горъ, пригорковъ и крутыхъ обрывовъ, устланныхъ искусственными и натуральными газонами, большими садами, оранжереями, роскошными цвѣтниками, и обмываемыхъ водами плывущей какъ змѣйка Свислочи, то въ одномъ мѣстѣ ливущей къ бережной и текущей тихо, спокойной, то въ другомъ какъ бы отирающей отъ своихъ береговъ, исчезающей въ долину, а потомъ съ шумомъ и каскадомъ выбивающейся наружу и ливно переливающейся чрезъ каменное возвышеніе. По горамъ, по пригоркамъ красуются здания то высокія и широкія, то узкія и продолговатыя, съ черепичными крышами во вкусѣ среднихъ вѣковъ, то, наконецъ, чистенькіе, опрятненькіе, зеленые или желтые домики съ красными кровлями, узорчатыми ставнями и рѣшетчатою оградой. Прежде всего бросаются въ глаза рощи и аллеи огромнаго городского сада, потомъ здания Нового Рынка съ его квадратнымъ бульваромъ, архіерейской крестовой церкви, почтовой конторы и лютеранскаго храма; дальше совершенно обнажается предъ вами громадная площадь Высокаго Рынка съ величественнымъ каменнымъ православной соборной церкви, римско-католической катедры, Бернардинскаго монастыря и гостиняго двора, свозъ которыхъ выглядываетъ скромная деревянная Воскресенская церковь. Прямо отъ Высокаго Рынка городъ какъ будто разрывается и исчезаетъ въ долину Низкаго Рынка, закрытаго Троицкою Горой и валами древняго зѣмка. Наконецъ, вдали отъ Троицкой Горы, вы видите широко раскинувшуюся Свислочь и опоясывающую собою нѣкоторую часть Татарскаго Конца и православное кладбище Пересу съ его каменной церковью, съ золоченымъ куполомъ чисто русской архитектуры, безъ всякихъ шпицовъ и башенокъ.

Вблизи этого-то мѣста, гдѣ теперь устроено кладбище и гдѣ можетъ быть, остались кости пераго основателя Минска, между Татарскимъ Концомъ и Пересинскимъ мостикомъ у самой вышней свислочской почтовой дороги, когда-то поселился, говоритъ народное преданіе, знаменитый силачъ-знахарь, по прозванію *Менескъ* или *Менской*, и построилъ на Свислочи каменную большую мельницу *о Гдѣи Колесахъ*. Говорятъ, никто никогда не видѣлъ его, а между тѣмъ окрестности свислочской земли наполнены самыми фантастическими разсказами о его силѣ и богатствѣ; говорятъ, что въ

пригорковъ. Вѣроятно, до появленія, на мѣстѣ нынѣшняго Минска, города, по обыкновенію славянъ, сначала была построена только земляная или острогъ, и именно на берегахъ Свислочи, можетъ быть была мельница *знахаря*, потому что сохранившіеся до настоящаго времени земляные валы или окопы Замчица находятся дѣйствительно близъ того мѣста, гдѣ преданіе назначаетъ осадителю знахаря *Менеска*. Начало же Минска, какъ сформированнаго и устроеннаго селенія должно относить по крайней мѣрѣ къ X вѣку, потому что въ самомъ началѣ XI уже упоминается о немъ, какъ владѣтельномъ городѣ Полоцкаго княжества, которымъ до 1067 года (97) управлялъ князь Всеволодъ, внукъ Изяслава Владиміровича, сына Рогвида, получившаго отъ отца Изяслава (имѣя Заславъ, деревня Минской губерніи, см. гл. X). Въ концѣ XI вѣка, именно въ 1067 году, Минскъ, сдѣлавшись достояніемъ сыновей Ярослава Великаго Изяслава и Всеволода, убиенныхъ Полоцкаго княжества и въ началѣ XII вѣка является столицей отдѣльнаго Минскаго княжества (98). Тутъ уже говорится въ лѣтописяхъ о самостоятельныхъ минскихъ князьяхъ, въ 1102 году о князѣ Борисѣ Всеволодовичѣ, а отъ 1113 до 1123 года о князѣ Гдѣбѣ Всеволодовичѣ (99). Последній извѣстенъ тѣмъ, что вслѣдствіи отстаивая права своего минскаго удѣла и не хотѣя подчиниться Владимиру Мономаху, который, какъ извѣстно, предпринявъ возстановить введенную Ярославомъ Первымъ систему господства въ одномъ родѣ, съ правомъ старшему быть главою, и на этомъ основаніи утвердить великокняжескую власть надъ Русью за своимъ родомъ, какъ старшимъ, пользуясь смутами и раздорами родственныхъ князей, старался присоединить ихъ княжества къ своему и въ томъ числѣ хотѣлъ подчинить себѣ и Минское княжество. Такъ какъ Гдѣба Всеволодовичъ не согласился подчиниться Мономаху и рѣшился воевать съ нимъ, то Мономахъ поступилъ съ нимъ, какъ съ мятежнымъ княземъ, осадилъ и взялъ приступомъ Минскъ, а Гдѣба объявилъ своимъ плѣнникомъ; такимъ образомъ Минскъ опять потерялъ значеніе самостоятельнаго города и вошелъ въ составъ мономаховой монархіи. Впрочемъ, со смертью Юрія Долгорукаго, послѣдняго исполнителя воли Мономаха, поддерживавшаго установленную Мономахомъ систему соединенія русскихъ княжествъ въ одно цѣлое

(97) Шевалье, *Исторія*, стр. 61; Карамз. II, Р. Г. изд. Зинера, т. I, гл. IV, стр. 43; Narbut, т. III, стр. 328; Letopis Danilowicza, Str. 117.
(98) Narbut, т. III, стр. 328.
(99) Карамз. т. II, стр. 93; Narbut, т. III, стр. 274, 276; Letopis Danilowicza, стр. 123.

его мельницъ мука мололась не изъ хлѣбныхъ зеренъ, а изъ каменной; что почему слышались тамъ какіе-то странные крики, гиканья, музыка и пляска; что въ полночь разбѣжались онъ на своей мельницѣ по дорогамъ и набирали дружину изъ сильныхъ людей, изъ которыхъ впоследствии составлялся цѣлый народъ и сталъ селиться рядомъ съ мельницею знахаря, и проч. Конечно, это преданіе отзывается бѣлорусскою сказкою; но почему знать, не имѣетъ ли оно отношенія къ какому нибудь доисторическому событію, незаписанному въ лѣтописяхъ? Не смышлено ли это преданіе о какомъ нибудь удѣльномъ кривичскомъ князѣ *Менескѣ*, собиравшемъ сильныхъ людей для увеличенія своего войска и для заселенія или новопостроеннаго своего городка на берегахъ Свислочи? Отчего же не допустить по крайней мѣрѣ существованія этого Минска, когда о немъ до сихъ поръ сохранилась пословица въ минскомъ уѣздѣ: *не пайду и да Менска адъ шилку Вилеска; а (если же) пайду на шилку Вилескомъ, статкаси (встрѣчусь) азъ Менска*. Къ этой пословицѣ я прибавлю замѣчаніе, что простонародье Минской губерніи до сихъ поръ называетъ Минскъ Менскомъ. Конечно, это не доказательство. Но отчего же то же простонародье не называетъ Минска (городъ Минской губерніи) *Менскомъ*? вѣдь Минскъ и Минскъ синонимы. Напротивъ, если объяснить слово Минскъ народнымъ выговоромъ, такъ скорее можно сказать, что простонародье минское перешло бы изъ Минска Минскъ, потому что въ произношеніи бѣлорусскаго народа буква и никогда не превращается въ е; тогда какъ е очень часто переходитъ въ и... Мнѣ кажется, можно допустить, что нынѣшній Минскъ получилъ свое названіе отъ имени Менска или Менского (этого ли знахаря или, пожалуй, другаго какого нибудь героя-основателя), потому что въ древнихъ грамотахъ, актахъ, запискахъ и инвентаряхъ, вмѣсто Минскъ, вѣдѣ говорится: *Менскъ* или *Менской* (95), и кромѣ того Гвагинъ, въ описаніи древней Руси, Минскъ называетъ *Менсцемъ* (96). Во всякомъ случаѣ, преданіе о Менскѣ замѣняетъ первоначальную исторію древняго Минска, построеніе котораго и возведеніе на стѣнѣ города не указано ни однимъ изъ древнихъ лѣтописцевъ или

(95) См. Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ Минской губерніи и проч., 1818 г. Бѣлорусскія грамоты древнихъ грамотъ, 1821 г., стр. 78, 127, 29. Грамота Сигизмунда III минскаго старосты Андрея Станкевича

(96) Gwadin, *Chronica*, Sarmat, pag. 316, 317, 323. Равно и въ древнихъ лѣтописяхъ нынѣшній Минскъ именуется Менскомъ и Менскимъ. Такъ, въ духовной Мономаха читается: «на тѣхъ оубо плочехъ съ Черниговомъ и съ Полоцкомъ Черниговъ къ Минску» (стр. 36, 37, 42, 43). Въ Псковской лѣтописи (1519 годъ) сказано: «и возводи нами цюкани по Виланду, Долгоску, Менеску, Молодечу, Брестичи, Радомловичи, Борисово, Странѣ Никою, стѣны, 253. 254, 255, 256, 257».

властью великаго князя, вслѣдствіе разрыва общаго союза княжествъ, Минскъ опять является столицей отдѣльнаго, независимаго Минскаго княжества, въ князѣ котораго прославился войнами съ литовскими князьями въ 1158 и 1159 годахъ Володаръ Гдѣбовичъ, изъ рода Всеслава Полоцкаго (100). По смерти его, литовскіе князья, пользуясь ослабленіемъ Восточной Руси по случаю нашествія монголовъ, завладѣвъ нѣкоторыми княжествами Западной Руси, въ томъ числѣ Минскимъ княжествомъ, и вотъ въ 1180 году Минскъ становится достояніемъ Литвы. Въ литовское правленіе онъ не разъ былъ грабимъ и опустошаемъ татарами, особенно вторгшимися въ Западную Русію подъ предводительствомъ Койдана II, который, ожесточенный страшнымъ пораженіемъ брата своего Койдана I Миндонгомъ въ 1149 году подъ Крутогорьемъ (нынѣшнимъ Койдановымъ, см. выше это мѣстечко, гл. VII), ворвался въ 1184 году въ окрестности Минска и выместилъ ярость свою къ литовскимъ князьямъ на невинномъ русскомъ городѣ самымъ печеловѣческимъ образомъ, истребивъ нѣсколько тысячъ жителей на части и въ томъ числѣ утопивъ въ Свислочи дѣтей ихъ (101). Въ 1320 году, въ повгородской лѣтописи упоминается о минскомъ князѣ Федорѣ Святославичѣ, котораго Карамзинъ считаетъ потомкомъ Владиміра Великаго изъ дому Изяслава, сына Рогвида (102). Этотъ князь пользовался расположеніемъ Гедимина и, кажется, былъ послѣдній изъ русскихъ въ Минскѣ князей. Въ 1408 году упоминается о минскомъ князѣ литовскаго племеніи Урустѣ, который, впрочемъ, въ томъ же году былъ вытѣсненъ изъ Минска Наримунтомъ, княземъ инскимъ, молдавскимъ и польскимъ, и потомъ, преслѣдуемый родственникомъ своимъ Свидригайломъ, бѣжалъ въ Москву (103). Между тѣмъ, въ 1431 году, Свидригайлъ, вражда съ Ягелломъ за то, что онъ истребилъ мысль литовцамъ избрать вмѣсто его (Свидригайла) Сигизмунда, брата вилонтова, подкупивъ помощію русскихъ князей, тверскаго Бориса Александровича и брата его Ярослава, нагнулъ въ литовскія владѣнія, избѣгивая ему въ присягѣ, и потомъ, проходя чрезъ Заславъ и Минскъ, потребовалъ отъ этихъ городовъ вѣроноподданческой присяги; но такъ какъ ни тотъ, ни другой не признали его своимъ княземъ, то онъ разорилъ ихъ, а жителей замучилъ насильственною смертью. Въ концѣ XVI вѣка Минскъ сильно пострадалъ отъ моровой язвы и набѣговъ черкесскихъ татаръ. Въ 1505 году они

(100) Карамз. II, стр. 171; Narbut, т. III, стр. 295.
(101) Pomniki do dziejow Litwy, str. 6, § 9.
(102) Карамз. т. IV, стр. 134, прим. 280.
(103) Narbut, т. VI, стр. 100.

множились Свислочь кровью минчанъ, за что, впрочемъ, достойно наказаны были въ 1506 году старшымъ поряженіемъ подъ Клецкомъ близъ Темнаго озера (104). Слѣдующіе годы XVI вѣка принесли Минску печальную вѣсть о польскомъ владычествѣ и окончательномъ введеніи уніатскаго раскола, начало которому положили іезуиты въ минскомъ краѣ еще въ концѣ XV вѣка (1460 и слѣд. годахъ).

Находясь подъ игомъ польской власти, Минскъ мало по малу терять права и значеніе древне-русскаго города, такъ-что въ началѣ XVII вѣка онъ уже является *ополченнымъ и уніатскимъ городомъ*. Фанатизмъ іезуитовъ дѣйствовалъ враждебно противъ всего, что только могло напомнить въ Минскѣ о древнемъ кривичскомъ, русскомъ началѣ. По внушенію этихъ фанатиковъ, въ 1619 году права русское и литовско-русское зашленимагдебургскимъ (105). Въ Минскѣ явились чужды духу древне-русскаго правленія и гражданской судебной организации — разные воеводы, старосты, паштунники, войты, бурмистры и лентвойты (106). Они завели какіе-то суды и уряды *каденціальные, экстракаденціальные, суды на-рочковъ*, городскіе сеймы и сеймики, на которые собирались не столько для дѣла, сколько для поддержания польскаго *гонору*. А іезуиты раздвинули и изъ всякаго дѣйствія судей и урядниковъ извлекали для себя самую существенную пользу — деньги, и тѣмъ содѣйствовали возвышенію своего ордена. Не вѣдѣвше ли такого *возвышенія* послышавъ они въ 1657 году на *Высокомъ Рынкѣ* въ богатомъ монастырѣ, въ которомъ, при содѣйствіи совратившагося въ римское католичество смоленскаго епископа Сангушки, въ 1682 году устроилъ *пропаганду* для водворенія католицизма и уничтоженія православія въ Минскѣ посредствомъ уніи (107)?... Чтобъ совершенно изгладить въ Минскѣ элементъ русскій, они задумали было *дѣлать* между православными минчанами новый (грегоріанскій) календарь. Къ счастью православныхъ минчанъ, обратившихся съ жалобой къ Сигизмунду III на такіа притѣвленія іезуитовъ, сиречь *минский король* грамотою запретилъ «принуждать людей города Минска русскимъ закону греческому» къ принятію новаго календаря (108). До какой степени опасно и гибельно было поселеніе іезуитовъ въ Минскѣ, это доказывается тѣмъ, что въ теченіе полвѣка они успѣли самая древнія кривичско-русскія фамиліи — Сауцгъ, Тышкевичей, Горватовъ, Служекъ, Черторижскихъ, Воловичей, Хребтовичей, Тухальскихъ, Селяевъ, Саугушекъ, Огнискіихъ, Подубенскихъ, Зубокъ, Щербаконъ, Шинекъ, Артемовичей и др., сначала совратить въ уніатскій расколъ, а потомъ въ панское католичество, и при вліяніи этихъ совратившихъ уничтожили древнерусскія церкви или по крайней мѣрѣ переправили ихъ въ польско-католическія или же уніатскія. И вотъ въ началѣ XVII вѣка, вмѣсто многочисленныхъ древне-русскихъ православныхъ храмовъ, разныхъ богоугодныхъ заведеній и училищъ, въ Минскѣ стали являться одишь за другимъ храмы польско-католическіе. Въ 1615 году, на отпущенную столичникомъ великаго княжества литовскаго, рѣчнцкимъ старостой, Петромъ Тышкевичемъ сумму, построилъ богатый каменный доминиканскій костелъ и монастырь, отъ которыхъ получила названіе нынешняя Доминиканская улица. Въ 1628 построилъ монастырь и костелъ Бернардиновъ: отсюда явилась Бернардинская улица. Въ 1633 году виленьскій каноникъ Войцѣхъ Селва основалъ монастырь Бенедиктинскій. Въ вѣдѣвствіи явились еще костелы и монастыри Кармелитовъ, Рохитовъ, Маріавитовъ и др. А между тѣмъ до XVII вѣка въ Минскѣ былъ только одишь римско-католическій костелъ *катедра* (соборъ), построенный въ 1390 году Владиславомъ Ягелломъ; всѣ же прочіе храмы были *старожитные греческое вѣры и закону*, какъ видно изъ древнихъ актовъ и грамотъ Минской губерніи. Въ нихъ упоминается о тринадцати православныхъ церквяхъ: 1) о *Рождествобогородичной* близъ рѣки Немги, у городского зямка, построенной Янушемъ Раздвиниломъ на собственной его землѣ; при этой церкви были монастырь и училище для мальчишекъ (109); 2) *Пречистенской*, при которой существовалъ госпиталь (110); 3) *Гозьмодемьяновской*, построенной неподалеку Рождествобогородичной, на нынешнемъ Низкомъ Рынкѣ; при ней было училище (111); 4) *Петронавловской* и при ней монастырь того же имени, построенныхъ усердіемъ знатныхъ дворянъ и мѣщанъ минскихъ; при монастырѣ были: школа, госпиталь, богадѣльня и типографія (112); 5) *Вокресенской*, которой принадлежалъ хуторъ съ землями и сѣнокосами близъ Минска между рѣками Свислочью и Слѣвцею, пожерт-

(104) См. выше вышесл. 27.
(105) «Сборникъ Музейн.», стр. 95; Виленск. Гражд. Ч. I, стр. 5; Акты Минск. губ., № 67, 83.
(106) Собр. ар. гр. и акт. Мин. губ., №№ 40, 58, 59, 66, 67, 76, 83, 85 и 87.
(107) Historia et origo residentiae Minscensis Societatis Iesu. 1757 an.
(108) Собр. ар. грам. и акт. Мин. губ., № 61.

товъ въ Минскѣ, это доказывается тѣмъ, что въ теченіе полвѣка они успѣли самая древнія кривичско-русскія фамиліи — Сауцгъ, Тышкевичей, Горватовъ, Служекъ, Черторижскихъ, Воловичей, Хребтовичей, Тухальскихъ, Селяевъ, Саугушекъ, Огнискіихъ, Подубенскихъ, Зубокъ, Щербаконъ, Шинекъ, Артемовичей и др., сначала совратить въ уніатскій расколъ, а потомъ въ панское католичество, и при вліяніи этихъ совратившихъ уничтожили древнерусскія церкви или по крайней мѣрѣ переправили ихъ въ польско-католическія или же уніатскія. И вотъ въ началѣ XVII вѣка, вмѣсто многочисленныхъ древне-русскихъ православныхъ храмовъ, разныхъ богоугодныхъ заведеній и училищъ, въ Минскѣ стали являться одишь за другимъ храмы польско-католическіе. Въ 1615 году, на отпущенную столичникомъ великаго княжества литовскаго, рѣчнцкимъ старостой, Петромъ Тышкевичемъ сумму, построилъ богатый каменный доминиканскій костелъ и монастырь, отъ которыхъ получила названіе нынешняя Доминиканская улица. Въ 1628 построилъ монастырь и костелъ Бернардиновъ: отсюда явилась Бернардинская улица. Въ 1633 году виленьскій каноникъ Войцѣхъ Селва основалъ монастырь Бенедиктинскій. Въ вѣдѣвствіи явились еще костелы и монастыри Кармелитовъ, Рохитовъ, Маріавитовъ и др. А между тѣмъ до XVII вѣка въ Минскѣ былъ только одишь римско-католическій костелъ *катедра* (соборъ), построенный въ 1390 году Владиславомъ Ягелломъ; всѣ же прочіе храмы были *старожитные греческое вѣры и закону*, какъ видно изъ древнихъ актовъ и грамотъ Минской губерніи. Въ нихъ упоминается о тринадцати православныхъ церквяхъ: 1) о *Рождествобогородичной* близъ рѣки Немги, у городского зямка, построенной Янушемъ Раздвиниломъ на собственной его землѣ; при этой церкви были монастырь и училище для мальчишекъ (109); 2) *Пречистенской*, при которой существовалъ госпиталь (110); 3) *Гозьмодемьяновской*, построенной неподалеку Рождествобогородичной, на нынешнемъ Низкомъ Рынкѣ; при ней было училище (111); 4) *Петронавловской* и при ней монастырь того же имени, построенныхъ усердіемъ знатныхъ дворянъ и мѣщанъ минскихъ; при монастырѣ были: школа, госпиталь, богадѣльня и типографія (112); 5) *Вокресенской*, которой принадлежалъ хуторъ съ землями и сѣнокосами близъ Минска между рѣками Свислочью и Слѣвцею, пожерт-

(109) Собрание древ. грам. и акт. Мин. губ., №№ 48, 72, 74, 75 и 133.
(110) Тамъ же, №№ 123, 146.
(111) Тамъ же, №№ 48, 62 и 102. Въ актѣ поль. № 63 упоминается также о Гозьмодемьяновской горѣ.
(112) Тамъ же, №№ 51, 62, 65, 69, 83, 106, 118, 121 и 123.

вованный Варушей Едуковною (113); 6) *Троицкой* и при ней госпиталь того же имени (114); 7) *Поворождествобогородичной* въ Немизкой улицѣ, построенной вмѣсто сгорѣвшей старой Рождествобогородичной (115); 8) о церкви и монастырѣ *Никольскихъ* на Татарскомъ Кошцѣ, при которыхъ былъ митрополитскій дворъ (116); 9) *Преображенской*, построенной княгиней Соломерецкою, урожденною Корсакъ, и того же имени богадѣльнѣ со школою для дѣвочекъ, учрежденной ее дочерью (117); 10) *Литвицкой*, находившейся близъ Никольской, на Татарскомъ Кошцѣ, отъ которой получила названіе Пятицкая улица (118); 11) *Святодуховской* и при ней: того же имени монастырь, госпиталь, богадѣльня и семинарія (119); 12) *Вокресенской* церкви и при ней большаго монастыря, въ пользу котораго пожертвовано было королевою Еленою, супругою Александра Ягеллончика, имѣніе Тростенецъ (120) и 13) церкви во имя *Св. Евфросиніи* (121). Со введеніемъ уніи, всѣ эти церкви превращены въ уніатскія — базилианскія: не уніатскія оставался одишь только Петронавловскій монастырь и при немъ церковь того же имени. Но и обществу одной этой церкви умѣло сохранить свою родную вѣру невредно среди уніатскаго раскола: въ грамотѣ 1635 года, данной православнымъ кievскимъ митрополитомъ Петромъ Могилею на имя минскаго Петронавловскаго монастыря, пастырь этотъ изъявляетъ особенную свою радость по поводу лично замѣченной имъ въ Минскѣ великой ревности къ старому восточному благочестію со стороны обывателей какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго званія (122). Промыслу угодно было сохранить въ Минскѣ православіе. Выше (см. гл. VIII, описаніе Минской губерніи) я замѣтилъ, что *Братства* усердно заботились о поддержаніи въ Минскѣ старожитной греческой вѣры: это же самое повторю и здѣсь; и кромѣ того, замѣчу, что и уніаты (т. е. бывшіе православные), хотя въ некоторомъ образѣ отбѣжались отъ православной церкви, но все-таки чуждались панскаго католичества и старались поддерживать уніатство и уніатскія церкви, но не папизмъ и не римско-католическіе храмы, а при первыхъ благоприятныхъ обстоятельствахъ тотчасъ обратились къ

(113) Тамъ же, №№ 83 и 93.
(114) Тамъ же, №№ 83 и 95.
(115) Тамъ же, №№ 53, 74 и 83.
(116) Тамъ же, №№ 90, 101 и 128.
(117) Тамъ же, № 143.
(118) Тамъ же, №№ 38 и 128.
(119) Тамъ же, №№ 58, 101, 103 и 143.
(120) Тамъ же, №№ 8, 9, 23, 49, 58, 85 и 99.
(121) Тамъ же, № 163.
(122) Собр. ар. гр. и акт. Мин. губ., № 98.

прежней родной своей греческой вѣры и отказались отъ всего чуждаго, замедшаго къ нимъ вѣдѣвствіе насиліи іезуито-католическаго фанатизма. Эти же самые уніаты готовы были бы и раньше оставить *уніатство*, еслибъ нашли какую нибудь опору въ правительствѣ; но правительствомъ ихъ въ то время была польская рѣчь — носилитан, заботившаяся о распространеніи панскаго католичества въ захваченныхъ у Россіи земляхъ. Что минскіе уніаты готовы были во всякое время, при первомъ удобномъ случаѣ, откатиться отъ уніи, доказательствомъ того служатъ послѣдствія пребыванія въ Минскѣ въ 1635 году митрополита Петра Могилы. Лишь только онъ обратился съ рѣчью къ минскимъ уніатамъ и напомнилъ о ихъ заблужденіи, многие изъ нихъ въ тотъ же день возвратились въ православіе и потомъ съ ожесточеніемъ преслѣдовали тѣхъ, которые не хотѣли послѣдовать ихъ примѣру (123). Но въ то время, какъ жители Минска испытывали чебриятности отъ польскаго религіознаго фанатизма, самый Минскъ-городъ значительно расширился, обновился и украсился новыми зданіями: вообще значительно улучшился послѣ татарскихъ грабежей и опустошеній. Правительство польское обратило вниманіе на очищеніе площадей, устройство общественныхъ заведеній и занялось выдѣленіемъ кувеческихъ привилегій и привнесеніемъ въ надлежащую точность городскихъ поземель и сборовъ. Ко времени польскаго владычества относятся зданія Новаго Рынка, мостовыя Высокаго Рынка и нѣсколько мостовъ и мельницъ на Слѣвцѣ. Только, къ несчастію Минска, эти улучшенія и постройки подвергались новымъ опустошеніямъ и грабежамъ. Въ 1655 году въ Минскѣ приключились дикая племена казьяковъ и, вслѣдствіе нападенія на нихъ городского гарнизона, съ ожесточеніемъ грабили храмы, дома и вырѣзали нѣсколько тысячъ жителей. Въ 1701 году, чрезъ Минскъ проходили саксонскія войска и значительно опустошили Троицкое, Татарское и Ляховское предместья; то же сдѣлали бы они и въ 1706 году, но въ это время подошли въ Минскъ русскія войска и, пробивъ тамъ съ марта до сентября, не допустили саксонцевъ къ вторичнымъ опустошеніямъ. Въ этомъ же году Минскъ основательно былъ пребываніемъ въ немъ Петра Великаго, который прожилъ здѣсь нѣсколько дней и дѣлалъ смотръ своимъ войскамъ на площади Высокаго Рынка. Но просьбѣ Мазены, Петра Великій посѣлтъ монастыри іезуитовъ, которые, одновременно расположивъ въ свою пользу гетмана, обѣщались просить себя позволенія у Великаго Монарха поселиться въ новой русской столицѣ, но въ от-

(123) Тамъ же, № 99.

вить получила отказ⁽¹¹¹⁾. По выходе русских, пришли в Минск шведы и Карл XII наложил страшную контрибуцию на город: войска безошадно грабили и жгли храмы и дома, убивали и давили жителей, так-что после перехода шведскаго Минска превратился в развалины. Уже по окончании шведской войны, Минск вскоромь оправился и, наконец, войдя въ состав родной русской монархii, въ царствованіе Екатерины Великой принялъ вид благоустроеннаго города.

Тутъ слѣдовало бы упомянуть о событіяхъ 1812 года, свидѣлемъ которыхъ былъ Минскъ. Но такъ какъ объ этихъ же событіяхъ придется говорить при описаніи Борисова, то для избѣжанія повтореній, разскажъ о нихъ отнесу къ статьѣ о Борисовѣ.

Въ настоящее время онъ состоитъ главнымъ городомъ Минской губернии и имѣетъ 23,560 жителей. Теперь можно любоваться этимъ городомъ: такъ красивъ онъ сдѣлался въ послѣдніе годы. Въ немъ протекаетъ рѣка Свислочь, принимающая въ свои устья нѣсколько маленькихъ рѣчекъ (Черницу, Сѣвню, Крунку, Янушку), притоковъ и озеръ. Свислочь рѣка небольшая и не очень широкая, но мѣстами довольно глубокая и извилиста до безконечности. Начало свое она беретъ близъ деревни Шаповалы и на пространствѣ 220 верстъ протекаетъ черезъ уѣзды минскій, игуменскій и частью бобруйскій; а при мѣстечкѣ Свислочи впадаетъ, съ правой стороны, въ Березину. Въ самомъ Минскѣ Свислочь довольно медка, особенно близъ такъ называемой Плябанской мельницы у Нового моста, ведущаго къ саду съ Троицкой Горы; несмотря на то, на ней въ городѣ устроено пять мельницъ. Въ минскомъ и игуменскомъ уѣздахъ, на ней много переправъ посредствомъ паромовъ: въ этихъ мѣстахъ она очень глубока и течетъ быстро, такъ-что нѣрѣдко срываются мосты. При имени Свислочи нѣвольно припоминаю себѣ несчастный случай, постигшій на этой рѣкѣ бывшаго минскаго губернскаго предводителя дворянства, командора Мальтійскаго ордена г. Ошторпа: во время проѣзда его съ дочерью, въ замужствѣ г. Сынженскою, черезъ мостъ безъ перилъ близъ Дукоры (мѣстечко игуменскаго уѣзда), лошади чего-то испугались и съ разгономъ бросились съ экипажемъ въ рѣку. Дочь спаслась, но бѣдный командоръ захлебнулся водою и тутъ же скончался... Свислочь богата рыбкою, особенно сомами, осетрами и бѣлугою; въ ней водятся также бобры, особенно въ игуменскомъ уѣздѣ (см. дальнѣе, село Омельно). Въ прежніе времена, говоритъ, много водилось бобровъ въ Свислочи, такъ-что промыслъ ими давалъ значительный доходъ

⁽¹¹¹⁾ Historia et origo residentiae Minscensis Societatis Iesu, 1757 an.

Рынокъ дѣйствительно составляетъ пунктъ древняго и при томъ очень древняго города, это доказываетъ тѣмъ, что еще въ началѣ XIII вѣка, именно въ 1620 и 1626 году онъ назывался *Старымъ Рынкомъ*, какъ это видно изъ актовъ Минской губернии, въ которыхъ определяется даже его мѣстность указаніемъ зданій и софлей рѣчки Сѣвни⁽¹¹²⁾. А кромя того, народъ до сихъ поръ называетъ Низкій-Рынокъ, съ причисленіемъ къ нему Троицкой Горы, Татарскаго Конца и Раковскаго предмѣстья, *Старымъ Минскомъ*, т. е. старымъ городомъ и имѣетъ несомнѣнныя данныя для такого названія и подтвержденія преданій о немъ. Самымъ лучшимъ даннымъ служатъ старинныя окна или остатки валовъ въ центрѣ нынѣшняго Низкаго-Рынка, надъ рѣкою Свислочью между Татарскимъ Концомъ и Троицкою Горой. Остатки этихъ валовъ до сихъ поръ извѣстны въ устахъ народа минскаго подъ именемъ *Замчица*, по преданію, что на этомъ мѣстѣ, именно гдѣ теперь находится большой каменный домъ, или такъ называемая *Каменца* княгини Любомирской и потомъ Чоцкова, стоялъ замокъ, укрѣпленный шанцами, валами и каналомъ, соединившимъ нѣкогда Свислочь съ Немцею, нынѣ уже не существующею. Когда, кѣмъ и изъ какого матеріала построенъ былъ этотъ замокъ, древнѣйшія лѣтописи не говорятъ; извѣстно только, что въ Минскѣ на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ по сю пору сохранилось замчище, былъ замокъ. Уже историкъ XVI вѣка Гвагницъ говоритъ, что въ его время въ Минскѣ существовалъ очень древній, деревянный замокъ, укрѣпленный при устьѣ рѣки Немги и окруженный болотомъ⁽¹¹³⁾. Безъ сомнѣнія, если не этотъ самый, такъ, можетъ быть, другой, до него былъ замокъ на нынѣшнемъ Замчищѣ; но во всякомъ случаѣ начало минскаго замка, подождемъ даже того, о которомъ свидѣлствуютъ Гвагницъ, нужно отнести къ XV или XIV, а можетъ быть и XIII, потому что самъ же Гвагницъ называетъ его древнимъ по отношенію къ XVI вѣку; равно и акты Минской губернии 1513 года упоминаютъ о замкѣ, какъ существовавшемъ уже въ то время въ Минскѣ съ древнихъ временъ, имѣвшемъ свою особую церковь (но имя Рождества Пресв. Богородицы) съ чудотворнымъ образомъ Богоматери, свое Правленіе, Урядный дворъ, и пользовавшимся *митовъ*

⁽¹¹²⁾ Собр. др. гр. и акт. Мин. Губ., № 83, стр. 151, и № 163, стр. 380.

⁽¹¹³⁾ Gwaŋc. Chronis. Sagmatiae. Въ развалинахъ минскаго замка найдена фигура пастыря Фрустала, отломанная отъ главной группы, изображающей Римскую церковь, коридоры основательницы Рима — Рогула и Режа, которая отыскана въ Вальдѣ, на Замковой-горѣ, въ старинномъ погребѣ, подъ развалинами католической церкви во имя св. Маргариты, построенной во время Владислава Делла на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояло прежде древнее языческое капище. (См. Писаръ, 1854 г. № 50, фельетонъ).

минскимъ мѣщанамъ: въ грамотѣ королевы Елены упоминается о *бобрывыхъ оная*⁽¹¹⁴⁾ въ Свислочи близъ Тростенца, нынѣ деревни г. Четковскаго, лежащей между Ляховскимъ предмѣстьемъ и хуторомъ Кистеря; кой-гдѣ и теперь встрѣчаются тамъ бобры. Кромя Свислочи, Минскъ или его предмѣстья орошаютъ рѣчки: Крунка, на которой построена большая мельница, и которая (рѣчка) славится довольно крупными выюнами и сѣро-цестрыми змѣями; Сѣвня, рядомъ съ Крункою текущая по направлению къ вилеицкой почтовой дорогѣ; и такъ называемое *Плябанское озеро*: о двухъ послѣднихъ упоминается въ древнихъ грамотахъ Минской губернии, какъ принадлежностяхъ монастырскихъ имѣній⁽¹¹⁵⁾. Есть еще озеро близъ хутора Кистеря.

Заглянемъ теперь въ самый городъ.

Для соблюденія порядка въ описаніи мѣстностей города, я дѣлю свой обзоръ Минска на три части по числу главныхъ пунктовъ города: Низкаго-Рынка или Старо-Города, Высокаго-Рынка и Ново-Рынка или Ново-Мѣста.

Начну съ Низкаго-Рынка, какъ первоначальнаго оселенія древняго Минска, изъ котораго впоследствии образовался новый, болѣе извѣстный городъ, а древній, по обыкновенію, оставленъ безъ возлюбовленія, безъ вниманія плана улицы, какъ бы для того, чтобы доставить потомству возможность сравнить Новый-Городъ съ древнимъ. Извѣстно, что всѣ древніе города имѣли такую судьбу т. е. съ увеличеніемъ числа жителей; рядомъ съ древнимъ, болѣею частью деревяннымъ, строился каменный городъ; о старомъ забывали, обращали его въ предмѣстье и даже иногда совсѣмъ уничтожали, оставляли только окна, валы и замчица, а все вниманіе обращали на новый. Проходили годы, цѣлыя вѣка, новый городъ расширялся, украшался; о старомъ сохранялось только воспоминаніе или народное преданіе, на основаніи какихъ нибудь археологическихъ памятниковъ. Точно также случилось и съ Минскомъ. Старый Минскъ остался безъ расширенія и улучшенія и сохранилъ только воспоминаніе и преданіе о своихъ древностяхъ. Что Низкій-

⁽¹¹⁴⁾ Собр. др. гр. и акт. Мин. Губ., № 4.

⁽¹¹⁵⁾ Тамъ же, № 66, 68, 69 и 83. Въ этомъ же «Собраніи грамотъ» упоминается о какомъ-то озерѣ *Глуццкѣ* близъ *Успенскаго моста* «подъ мѣстомъ Менскомъ при дорогѣ Старой Вилеицкой». (№ 90).

или сборамъ съ городскихъ земель и окрестныхъ усадебъ, извѣстными подъ именами: серебрищны, ординщны, новщны, колады, волочебнаго, капищны и кунщнаго⁽¹¹⁶⁾. Судя потому, что это мѣсто называлось *Государственнымъ дождемъ*⁽¹¹⁷⁾, нельзя думать, чтобы оно было порожденіемъ вилеицкаго въ то время въ Минскѣ магдебургскаго права или польской администраціи; безъ сомнѣнія, это памятникъ русскаго права, сохранившійся въ минскомъ краѣ, какъ древно-кривичской землѣ, со времени русскихъ князей, именуемыхъ въ грамотахъ государями или осударями-князьями. Впрочемъ, народное преданіе не ограничивается свидѣтельствомъ объ одномъ замкѣ; оно говоритъ, что въ Минскѣ было два замка, и что одинъ изъ нихъ былъ каменный, но гдѣ именно, не указываетъ мѣста. О существованіи въ Минскѣ другого замка свидѣлствуютъ польскіе ученые Балницкій и Липинскій⁽¹¹⁸⁾, говоря, что въ Минскѣ съ давнихъ временъ былъ красивый замокъ при устьѣ рѣки Немги (т. е. Немги), котораго валы и окна сохранились до настоящаго времени; а возлѣ него былъ когда-то другой малый, но о немъ сохранилось только воспоминаніе въ устахъ народа *Желѣзъ* его мѣст. Который изъ этихъ двухъ замковъ цитруется у Гвагниця, для насъ все равно, — очевидно однако, тотъ, который, по словамъ Балницкаго и Липинскаго, былъ при устьѣ рѣки Немги, потому что и Гвагницъ полагаетъ его въ этомъ мѣстѣ; для насъ довольно знать, что онъ существовалъ въ Минскѣ съ очень древнихъ поръ и вѣроятно построенъ какимъ нибудь древнимъ русскимъ княземъ и сохранилъ въ себѣ слѣды русскаго права во время польскаго господствованія въ Западной Руси, до подворенія въ Минскѣ разныхъ старостъ, воеводъ и намѣстниковъ... Съ поселеніемъ этихъ властей въ Минскѣ и помѣщеніемъ въ минскомъ замкѣ Судебнаго трибунала, въ которомъ стали производиться и рѣшаться дѣла по магдебургскому праву, замокъ былъ свидѣлемъ новаго судопроизводства, вслѣдствіе котораго родились разныя привилегіи и акты въ духѣ польскаго⁽¹¹⁹⁾: одно только, что еще давало право замку называться русскимъ — это то, что привилегіи и акты, подтверждаемые въ трибуналѣ минскаго замка, писаны были на древне-русскомъ или бѣлорусскомъ языкѣ (см. выше, гл. VIII). Впрочемъ, нѣдолго замокъ былъ мѣстомъ судовъ польскихъ: въ концѣ XVII вѣка онъ сталъ приходить въ ветхость, а пожаръ въ 1778 году совершенно прекратилъ его существованіе, такъ-что съ тѣхъ поръ онъ уже не

⁽¹¹⁶⁾ Собр. др. гр. и акт. Мин. Губ., № 3, 10, 38, 102, 142 и 150.

⁽¹¹⁷⁾ Тамъ же, № 40, стр. 66, и № 12, стр. 12.

⁽¹¹⁸⁾ Starożytna Polska, т. III, Str. 813—814.

⁽¹¹⁹⁾ Собр. др. гр. и акт. Мин. Губ., № 62, 67, 85 и 154.

быть возобновляемъ и на валахъ его долго оставались развалины древняго зданія, безъ всякаго сожалѣнія о нихъ жителей города, пока, наконецъ, жили растаскали полусторѣвшія бревна, почернѣвшіе камни и кирпичи. Впоследствии, какъ бы въ воспоминаніе существованія древняго замка, близъ его Замчища построена большая *каменница*, которая существуетъ и до сихъ поръ. Прямо противъ Замчища, за Свислочью, между татарскими съюкосами и Пересною красуется довольно щегольской хуторъ *Людимонтъ*, принадлежавшій г. Треберту. Въ память замка сохранилось названіе улицы *Замковой*: она идетъ отъ Свислочи мимо Низкаго-Рынка и, перерѣзывая улицу Раковскую у еврейской школы, упирается въ пологую гору Высокаго-Рынка и тѣмъ какъ бы указываетъ границы стараго города. Улица эта довольно грязная и населена болѣею частью цеховыми мѣщанами, какъ бы въ воспоминаніе правъ древняго Минска, изданныхъ въ замкѣ; есть здѣсь и жида мелкіе торговши; они мѣшютъ кой-какія лавчонки, наполненные горшками, деревянную посуду, козьимъ сыромъ, масломъ, молокомъ и дѣтскимъ: не удивитесь — въ нѣкоторыхъ лавчкахъ все это вмѣстѣ продается. Близъ Замковой улицы есть такъ называемый *Слачій-Кутюкъ* (Вкусный уголь), нѣчто въ родѣ *обжаренаго рѣда*, гдѣ за пять копѣекъ серебромъ угощаютъ *крушикомъ* (супомъ или круш.) и кускомъ говядины, также *колдунами* (шпренями) и воловьимъ песочкомъ.

Къ памятникамъ старины Низкаго-Рынка, т. е. древняго Минска, относится *Немская* улица, получившая свое названіе отъ нѣсколькихъ существовавшей въ нѣбывшихъ ея прѣдѣлахъ рѣки Немги, о которой упоминается въ послѣдній разъ въ актахъ XVII вѣка (142). По какому-то тайнаму природу, русло этой рѣки высохло и въ настоящее время напоминаетъ о себѣ иногда весной, во время сильнаго снѣгу и большихъ дождей. Я помню, какъ не разъ мнѣ сатагану приходилось видѣть Немгу, появившуюся въ Немской улицѣ на нѣсколько дней и потомъ опять исчезавшую: начиная отъ Фелицанской и Романовской улицъ, вдоль Рыбнаго-рынка образуется быстрый протокъ и уноситъ свои воды въ Свислочь близъ

(142) Собр. др. гр. и акт. Мин. губ., Л. М. 74, 75 и 83. Кроме того въ древнихъ грамотахъ упоминается о самой рѣкѣ Немгѣ: какъ лѣто 6574 заранисъ Веселавъ, сынъ Братиславичъ, Полоцкскіи и за Новгородъ; Ярославичи же три, Веселавъ, Святославъ, Всеволодъ, совокушше вои, ишли на Веселавъ, земъ Братиславичъ. И пришло ко Минску и Минне заворониса въ градъ; си же Братиславъ вѣста Минскъ и съвоша мужъ, а жена и дѣти вѣдша на шты и похоронили въ Немгю, и Веселавъ поидо протину. И совокушше обои на Немгю, а вѣдша верта въ 3-й день и бѣсть съча валъ. (Давр. лѣт. стр. 72, изд. Археогр. Комиссiи).

товкачки (гречневая булочки) и *картофлячки* (пирожки изъ картофеля съ макомъ). По сказанное мною доселѣ относится только къ шапикамъ или стѣнкамъ базара; внутренность же базара имѣетъ свою фizioномію. Вся внутренняя площадка наполнена безчисленными, разнородными скамейками, скамеечками, стульями, столами, корзинками и кѣтками, которыми завѣдываютъ исключительно жидавки (но не жида). Прежде всего бросаются въ глаза ряды скамеекъ съ *ночками* (деревянныя жолобы), наполненными яйцами, орѣхами и лукомъ; дальше — кѣтки и корзинки съ курами и цыплятами, гусями и индюшками. Наконецъ слѣдуютъ ряды съ холстомъ, рубахами и вообще готовымъ бѣльемъ... Все это на площадкѣ базара — достояніе жидавокъ! Забудьте, жидавокъ: онѣ сидятъ здѣсь съ утра до вечера, тутъ онѣ и кушаютъ, и шьютъ свои платья, и выжигаютъ чулки, и шпонаютъ разную вещь оборывшей-дѣтей своихъ, которая нѣрѣдко сидитъ тутъ же на мостовой на колѣнахъ матерей; при каждой изъ нихъ и лѣтомъ и зимой у ногъ стоитъ глиняный горшокъ съ горячими угольями. На этой *площадкѣ жидавокъ*, когда вы ни придете (кромя шабаса, субботы), всегда услышите крикъ, шумъ и перестановку торговекъ, всегда увидите грязь, всегда замѣтите много народа. То же самое услышите и увидите вокругъ всего базара, гдѣ также производится мелкая жидавская торговля крупами, горохомъ, бобами, съменами, листовымъ табакомъ и *минскими сахарами*, канатами, нитками, известкою, мѣломъ, гвоздями, горшками, желѣзомъ и разными сухими бальзамическими травами.

Вообще, нужно замѣтить, что Низкій Рынокъ, или, какъ недавно называли его, базаръ, составляетъ особенность стараго Минска; и въ коммерческомъ отношеніи имѣетъ такое же значеніе, какъ петербургскій толкучій рынокъ. Мнѣ очень хорошо знакомъ этотъ базаръ. Еще будучи школьникомъ, я часто, проходя въ училище, любилъ останавливаться предъ нимъ и глядѣть на безчисленныхъ его торговцевъ. Нѣкоторые изъ ихъ фizioноміи такъ вѣрзались въ мою память, что я не могъ забыть ихъ и по выѣздѣ изъ Минска. Приѣхавъ въ Минскъ, я тотчасъ поспѣшилъ на Низкій Рынокъ, чтобы взглянуть на эти фizioноміи и, по какому-то особенному стеченію обстоятельствъ, дѣйствительно, увидалъ двѣ-три изъ нихъ. Мнѣ попался старшій знаменитъ, инвалидъ на деревянкѣ, съ безчисленнымъ лохмотьемъ на плечахъ и разными бронзовыми бездѣлушками въ лѣвой рукѣ; но что особенно удивило меня, подъ мѣшкой правой руки у него было испорченное ружье, то самое ружье и не починенное, которымъ онъ страдалъ мѣся-мальчика, когда я подхождалъ къ нему и торговалъ мѣдные часики. Тутъ же возлѣ инвалида, у будки, сидѣла на *зедликѣ* (стульчикѣ) старушка съ корзин-

Замчища. Такъ какъ протокъ этотъ бываетъ иногда довольно большой, то для переправы черезъ него устраиваются мостки: впрочемъ, быстрая вода сноситъ мостки въ тотъ же день, какъ ихъ устроятъ, и тогда приходится перебѣгать въ наемныхъ влозочныхъ тележкахъ (въ родѣ вѣскихъ *Zeiselwagen*) такъ называемыхъ *геру-меролоковъ* — жидавъ, влетающихъ къ берегамъ *Новой Немги* въ безчисленномъ количествѣ и собирающихъ съ сѣбокомъ копейки за перевозъ.

Что же такое Низкій-Рынокъ въ старомъ Минскѣ? Подъ именемъ Низкаго-Рынка разумеется собственно небольшая квадратная, грязная, никогда не высохающая (потому что здѣсь прежде были болота, и теперь они просачиваются на поверхность площади, несмотря на то, что площадь вымощена камнемъ) площадь, обрамленная безчисленными шапиками, т. е. лавчонками, составляющими четыре сплошныхъ стѣнокъ съ нѣсколькими входами; шапиканы эти, на протокъ разстояніи отъ своего основанія, покрыты жестяною крышею, прикрѣпленную къ столбикамъ и периламъ. Это минскій базаръ. На шапикахъ воздѣлаютъ разные торговки и торговцы съ съѣстными принасами: на первомъ планѣ, прямо противъ Бернардской улицы увидите нѣсколько жидавокъ, торгующихъ сбитнемъ, но сбитнемъ бѣлорусскимъ, минскимъ, приготовленнымъ изъ березовыхъ листьевъ, аеру, липоваго цвѣта и патоки; сбитень кипитъ въ огромныхъ, не очень красивыхъ самоварахъ и разливается въ чашки съ блюдечками. Рядомъ со сбитенщиками располагаются булочницы, или *правильнѣе пекарки*, съ баранками постными и масляными (на лицахъ), *станицами* (кислосладкій хлѣбъ), кренделями, булками, сухарями и *кушанами* (особаго сорта бѣлый хлѣбъ на подобіе блиновъ), всѣхъ возможныхъ сортовъ: съ коровинымъ масломъ, тминномъ, чернушкой, постнымъ масломъ и даже съ лукомъ. На второмъ планѣ, противъ моста, найдете разные крупы и соль, дальше — колченое свинное сало, *здоръ* (свинная плѣва съ жиромъ, употребляемымъ между простонародьями вмѣсто коровьяго масла), ветчину, колбасы (очень вкусныя, замѣчу мимоходомъ), *салатисоны* и бѣзую дичь. Третья стѣнка базара, что противъ жидавскихъ трактировъ, вся завалена коробками и мѣшками съ разною мукою, солью и чернымъ хлѣбомъ. Наконецъ, съ четвертой стороны, шапиканы базара заглавлены боченками съ седелками и седелочною ухото (оселочная юшка — жидавское лакомство); большая часть седелокъ изрѣзана на мелкіе кусочки, которые продаются по грошамъ; возлѣ седелокъ, на деревянныхъ кружкахъ валяются ломти сыра и жареной рыбы; по сосѣдству съ ними въ коробочкахъ прикрыты горячіе пирожки съ вареньемъ, ватрушки,

кою слоеныхъ пирожковъ, которыми и запасался, плучи въ школу. Неподалеку стоялъ жилъ Абрамъ съ маконниками и масляными баранками... все старыя знакомыя. Между Зыбицкою улицей и главною стѣнкою базара, на протяженіи всей улицы, ведущей отъ моста до улицы Замковой, торговцевъ столько, что они образуютъ сплошную массу и по головамъ ихъ можно сдѣло прійти, словно по ровной мостовой. Тутъ вы увидите и салоницы, и банчанницы, и лохмотниковъ, и разносчиковъ стараго платья, и продавцевъ новаго, и шпонающихся портишекъ, направшающихся къ каждому въ домъ шить поденно, и сапожниковъ съ готовыми сапогами, и шапочниковъ по преимуществу. У самаго базара на васъ нападутъ жида и жидавки со всѣхъ сторонъ, и горе вамъ, если вы проговорите къ нимъ хоть одно слово; не слушая, что вы сказали, а подумавъ, что вы спрашиваете какихъ нибудь продажныхъ вещей, они потащатъ васъ въ Бернардскую улицу, а отуда и не думайте о пути обратномъ: это значитъ, пробиваться черезъ каменную стѣну. Единственный выходъ — на Высокій Рынокъ; но все-таки долго-долго придется вамъ пропутешествовать, пока вы ступите на первый камень гостиницворской площади. Васъ окружитъ новая ватага жидавскихъ бородъ и пейсѣ, вадѣтели которыхъ схватятъ васъ, одинъ за рукава, другіе за руки, а нѣкоторые такъ прямо, безъ всякихъ церемоній, обнимутъ васъ и почти на рукахъ везутъ въ свои *крѣлы* (лавки). Не успѣте вырваться изъ ихъ объятій, какъ васъ встрѣтятъ новыя партіи жидавъ, которые начнутъ расхваливать свой товаръ, закрывая одной рукой рты своимъ женамъ, чтобъ не перекричали ихъ и тутъ же успѣютъ подражаться межъ собою; наконецъ на васъ нападутъ, точно голодные волчичи, жидавки: ихъ визгъ, пискъ и крикъ оглушатъ васъ на цѣлый день. Но еще больше надоѣдятъ вамъ жида, если вамъ случится проходить отъ Высокаго къ Низкому Рынку на базаръ съ какимъ нибудь узломъ: при самомъ спускѣ съ горы, близъ того мѣста, гдѣ прежде былъ Бонифратерскій монастырь, на углу Зыбицкой улицы васъ атакуютъ такъ называемые *тандитники*, т. е. продавцы и покупатели всякаго платья, и не пускаютъ васъ безъ того, чтобъ не посмотреть, что вы несете. Они подумаютъ, что вы пришли продавать какую нибудь вещь, — и тогда бѣда вамъ. Они начнутъ оспаривать и вырывать васъ другъ у друга, какъ добычу. Не мѣняе нападеній встрѣтите, если будете проѣзжать черезъ Низкій Рынокъ въ дорожномъ экипажѣ: тѣ же жида останутся васъ, удѣлятся за колеса вашего экипажа, и атакуютъ васъ различными предложеніями.

По лѣвую сторону Низкаго Рынка, по направленію къ Раковской улицѣ тянется счастливъ каменныя зданія, въ подвалахъ которыхъ

помещаются мелкия лавки съ дѣтвемъ, смолой и дратвой; между этими зданіями особенно замѣчательны *лугры* (каменные лавы) еврейской *школы* или синагоги. Далеѣ слѣдуетъ Рыбный рынокъ, на углу Немиссой улицы, названный такъ потому, что на немъ устроены лавки и погребя для скалки всякой рыбы. Торговль на немъ особыхъ не бываетъ: онъ наполняется народомъ, больше жидами, по пятницамъ, когда всѣ лавки бываютъ открыты и жиды закупаютъ для предстоящаго праздника субботы (*шабаса*) рыбу, безъ которой, какъ извѣстно, и *шабасъ* не въ *шабасъ*.

У Рыбнаго рынка, въ низменной долинь, находится каменная Екатерининская церковь, съ большимъ погостомъ, украшеннымъ акаціями и въковыми березами и обнесеннымъ рѣшетчатою оградою. Начало этой церкви относится къ XVI вѣку; въ XVII она принадлежала уніатамъ—Базиліанамъ; въ концѣ XVIII возвращена въ православіе. Внутренность ея украшена громадными квадратными подъ ирамортъ колоннами и большого размѣра иконами, съ серебряными и золотыми ризами. Особенно замѣчательнъ въ Екатерининской церкви главный (въсѣхъ три) алтарь, устроенный въ древне-греческомъ вкусѣ, съ особымъ куполомъ надъ престоломъ; противъ главнаго алтара, у входа, большіе хоры, на которыхъ можетъ помѣститься до 200 человѣкъ. На погостѣ, противъ наперсти небольшая терраса съ цѣтникомъ, за оградой котораго на значительномъ холмѣ раскинутъ довольно большой садъ, оакивающей съ двухъ сторонъ каменное зданіе, принадлежащее церковному причту. Въ этомъ зданіи нѣкогда помещался Базиліанскій монастырь, а не такъ давно православное духовное училище. У подошвы зданія стелется обширный огородъ, славящійся необыкновенно удобною почвою земли, на которой, какъ говоритъ преданіе, было нѣкогда кладбище.

За Екатерининскою церковью начинается *Татарскій Конецъ*, или, что то же, Татарское предместь, на которомъ живутъ исключительно татары, потомки древнихъ переконцевъ и крымцевъ, нѣкогда въ XVI вѣкѣ опустошенныхъ минскій край, по вслѣдствіи страшнаго пораженія въ 1506 году полкѣ Касцюкъ, разсѣявшихся по всѣмъ окраинамъ Минской губерніи и между прочимъ поселившихся въ самомъ Минскѣ. Название *конецъ* заставляетъ думать, что эта часть города, до поселенія въ ней татаръ, переименовавшихъ ее въ Татарскій Конецъ, называлась какииъ нибудь другимъ концемъ славянскаго или древно-русскаго происхожденія, и именно, какъ снѣдствуютъ старожилы, концемъ *Пятницкимъ*, получившимъ названіе отъ *Пятницкой* церкви, существовавшей въ этомъ мѣстѣ (см. выше) и положившей начало Пятницкой улицѣ (нынѣ переулку

Пятницкій); а можетъ быть Пятницкая церковь получила названіе отъ Пятницкаго конца, въ свою очередь такъ названнаго отъ древнихъ торговъ по пятницамъ. Какъ бы то ни было, но слово *конецъ* доказываетъ, что нынѣшнее Татарское предместье составляетъ часть древняго Минска, какъ оселіще древне-славянскаго (напрямь, кривичскаго) племенн, потому что названіе *конецъ* нѣкогда принадлежало древне-славянскимъ городамъ; коицами у древнихъ славянъ вообще и славянъ русскіихъ назывались предместья или болѣе отдаленныя части города отъ самого центра или отъ замка: такіе концы существовали въ древнемъ Псковѣ и Новгородѣ⁽¹²¹⁾. Новое доказательство, что начало Минска, собственно стараго Минска нужно отнести къ самой отдаленной славяно-русской эпохѣ, т. е. ко времени появленія Пскова и Новгорода. Число минскихъ татаръ доходить до 400 душъ. Они ведутъ довольно трудолюбивую жизнь подобно соплеменникамъ своимъ, касцюкамъ татарамъ: все, что сказано о послѣднихъ, относится и къ минскимъ. То только различіе, что минскіе не въ примѣръ богаче касцюкъ. Главный предметъ ихъ промышленности—огороженныя овощи, которыя они насывають и выриваютъ въ большомъ количествѣ въ огородахъ и на поляхъ близъ раковской дороги. Кроме того, нѣкоторые изъ нихъ занимаются конноводствомъ и потому для приготовления сѣна имѣютъ огромные луга на берегахъ Свислочи; часть этихъ луговъ принадлежала нѣкогда Святоуховскому монастырю, по вслѣдствіи откупленна татарскимъ старшиной Солтаномъ. По проשבъ этого Солтана, въ 1617 году, на грунѣхъ Воскресенской церкви построена татарская медреса или мечеть⁽¹²²⁾; въ замѣкъ валаго труга, воскресенскою причту отведенъ такой же другой мѣстѣ. Мечеть сохранилась до настоящаго времени: она деревянная, небольшая, состоитъ изъ двухъ отдѣленій, мужскаго и женскаго, раздѣленныхъ между собою рѣшеткою. Внутри нѣтъ никакихъ украшеній, кромѣ балдахина для мдулы въ мужскомъ отдѣленіи, въ которомъ полъ устланъ зеленымъ сукномъ, а возлѣ одной стѣны поставлены скамейки для посѣтителей. Кроме этихъ двухъ отдѣленій или комнатъ, есть еще нѣчто въ родѣ прихожей, въ которой татары оставляютъ обувь: извѣстно, что, по закону мусульманскому, они не могутъ входить въ молельню въ саногачъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ мечети, на Татарскомъ же Концѣ, на небольшомъ возвышеніи стоитъ деревянная Воскресенская церковь, не такъ давно бывшая уніатскою и только въ 1839 году воссоединенная съ православіемъ, въ память чего ежегодно 7 июля совер-

⁽¹²¹⁾ См. сочиненіе Красова о мѣстоположеніи древняго Новгорода.

⁽¹²²⁾ Собр. др. грам. и акт. Минск. губ., № 93.

шается крестный ходъ изъ этой церкви въ Екатерининскую и потомъ въ Петропавловскій соборъ. Объ этой церкви, какъ довольно древней въ то время, упоминается въ минскихъ актахъ 1617 и 1626 годовъ⁽¹²³⁾. Близъ Воскресенской церкви, на углу Раковской улицы, сохранилось довольно древнее каменное зданіе бывшаго францискаго костела: нынѣ по ветхости зданіе это превращено въ складочный фуражный магазинъ; наружныя стѣны его не крашеныя, со всѣхъ сторонъ обнажены красной кирпичъ.

Говоря о Татарскомъ Концѣ, нельзя не упомянуть объ одной особенноти его, которая не менѣе самого названія (*конецъ*) служитъ доказательствомъ того, что въ составѣ древняго Минска, кромѣ Низкаго Рынка, входило и нынѣшнее Татарское предместье. Особеннотъ эту составляютъ окопы или валы по лѣвую сторону Свислочи, въ виду хутора Людямонта, которые составляли укрѣпленіе древняго Минска. Окопы эти тянутся вокругъ Татарскаго Конца отъ Свислочи до Раковской улицы; здѣсь они прерываются и потомъ опять встрѣчаются по частямъ кой-гдѣ по направленію къ Койдановской дорогѣ. Окопы возлѣ Татарскаго Конца такъ обросли травой, кустарниками и даже большими деревьями, что жители Минска считаютъ ихъ обыкновенными горами. А между тѣмъ это не простыя, натуральныя горы, а искусственныя насыпи древняго города, замѣнявшія обыкновенно у славянъ крѣпости и оборонныя стѣны. Объ этихъ насыпяхъ или окопахъ минскихъ сохранилъ намъ свѣдѣнія Гвагнинъ; онъ говоритъ, что въ его время Минскъ былъ городъ большой, укрѣпленный, окруженный высокими окопами⁽¹²⁴⁾. Слѣды этихъ окоповъ можно видѣть также и за Троицкой горой, между Комаровкой и Переспой; но здѣсь они всего менѣе сохранились; большая часть валовъ скрыта и сравнена съ гладкою поверхностью земли.

По правую сторону Низкаго Рынка, за мостомъ, слѣдуетъ Сѣнная площадь—такъ названная потому, что здѣсь обыкновенно провозится торгъ сѣномъ, привозимымъ сюда изъ деревень въ большомъ количествѣ по преимуществу по воскресеньямъ, понедельникамъ и пятницамъ. Отъ Сѣнной площади, по направленію къ Троицкой горѣ, идетъ *Госпитальная* улица, главное украшеніе которой составляетъ Троицкій городскій госпиталь—очень красивое и большое зданіе, дѣлющее форму овальнаго полукруга или греческаго пантеона, возобновленное и перестроенное изъ древняго госпиталя, существовавшаго съ начала XVII вѣка и составлявшаго нѣкогда часть древняго православнаго монастыря, совращеннаго въ уию,

при которомъ была церковь и школа. По соседству съ госпиталемъ былъ нѣкогда монастырь Маріанитскъ, построенный въ 1771 году Кузнецкою Руничъ. Троицкій госпиталь содержитъ въ себѣ нѣсколько комнатъ и заключаетъ въ себѣ всѣ возможныя удобства для больныхъ, чѣмъ обязанъ знаменитому доктору, инспектору минской врачебной управы, Осипу Даниловичу *Спасовичу*, пользующемуся уваженіемъ и любовью всего минскаго края. Кто помнитъ тридцать и сороковые годы текущаго столѣтія, кто слѣдитъ за благотѣльными дѣйствіями и распоряженіями минской врачебной управы во времена холеры и другихъ эпидемическихъ болѣзней, тотъ знаетъ, чѣмъ обязаны жители Минска и всей губерніи Минской этому рѣдкому человеку, истинному другу больнаго человѣка и безкорыстному помощнику бѣдныхъ людей. Минскъ всегда благодаренъ этого добраго врача: не одна мать, не одинъ сынъ и не одно семейство съ чувствомъ признательности произносить имя г. Спасовича. Я также принадлежу къ числу признательныхъ его пациентовъ. Будучи теперь въ Минскѣ, я съ долгомъ лижусь къ Осипу Даниловичу и съ искреннимъ сознаніемъ его благотѣльности высказать передъ нимъ свою благодарность за его вниманіе къ мнѣя роднымъ и кой-къ самому въ годы дѣтства... При госпиталѣ устроена домовая церковь и антека. Впрочемъ, въ случаѣ нужды, берутъ лекарства для госпиталя изъ городскихъ антекъ, въ которыхъ, замѣчу, не терпится недостатка Минскъ; ихъ четыре въ городѣ: *Шеиббергера*, на углу Доминиканской и Волонской улицы, *Домбровскаго*, на углу Высокаго Рынка и Койдановской улицы, *Гандельбура*, въ Юрьевской улицѣ, и *Кузнецбеккера* на Высокомъ Рынкѣ противъ бульвара и ратуши.

За госпиталемъ начинается Троицкая Гора, получившая свое начало отъ нѣкогда бывшей на ней Троицкой церкви. Тутъ встрѣчается нѣсколько красивыхъ домовъ, между которыми, по направленію къ Свислочи, занимаетъ первое мѣсто довольно громадное зданіе православной духовной семинаріи, передѣланное изъ недоконченнаго стариннаго уніатскаго монастырскаго дома. Внутренность семинаріи довольно хорошо отдѣлана и вмѣщаетъ въ себѣ около 200 воспитанниковъ: въ самомъ зданіи живутъ ректоръ и инспекторъ; тамъ же помещается домовая церковь и низшее четырехклассное училище. Зданіе обнесено частью каменною, частью досчатую оградою, внутри которой расположенъ, почти у самой Свислочи, небольшой садъ. Въ виду семинаріи открывается площадь Троицкой Горы, на которой, во время стоянкы войскъ въ Минскѣ, раскидываются палатки временной подвижной церкви. Площадь оакичена со всѣхъ четырехъ сторонъ разными деревянными домкками,

⁽¹²³⁾ Собр. др. грам. и акт. Мин. губ., № 83 и 93.

⁽¹²⁴⁾ Gwagnin. Chronol. Sarmatiae.

садками и огородами. За семипарскимъ домомъ начинается Виленская улица, при проходе съ которой на виленскую почтовую дорожку открывается видъ православнаго кладбища, обнесеннаго въковыми березами, възвѣстнаго подъ именемъ *Чересны*, потому что расположено у самой рѣчки Чересны. Пересинское кладбище имѣетъ форму овальнаго круга, обнесено съ трехъ сторонъ рвомъ, а съ четвертой — рѣшетчатою оградой, возлѣ которой находится красивая, каменная церковь, съ большими положоченными куподами, построенная, вмѣсто сгорѣвшей въ 1850 году, на казенную сумму, г. Шульцомъ, подъ присмотромъ мѣскаго соборнаго священника Петра Елишовскаго.

Погостить два дня у старыхъ знакомыхъ на Троицкой Горѣ, единственно для того, чтобы лучше повѣрить прежнія свои замѣтки о Старомъ Минскѣ, я возвратился на Высокій Рынокъ и занялся описаніемъ новаго города.

Высокій Рынокъ получилъ это названіе отъ того, что лежитъ на самомъ главномъ изъ возвышеній города. Онъ имѣетъ форму огромнаго квадрата, посреди котораго расположенъ громадный трехъ-этажный гостинный дворъ, окруженный со всѣхъ сторонъ, на некоторомъ разстояніи, красивыми каменными домами и храмами. Подъ Высокимъ Рынкомъ собственно и разумеется этотъ гостинный дворъ, да примыкающія къ нему бесчисленныя лавки и магазины, во къ нему можно причислить всѣ улицы, лежащія между Шлякомъ Рынкомъ и Новымъ Мѣстомъ, именно: Доминиканскую, Волошскую, Бернардинскую, Койдановскую, Фелицианскую, Романовскую, Францисканскую, Зыбичскую и часть Захарьевской.

Гостинный дворъ наполненъ лучшими магазинами, лавками и потребностями христіанскихъ и еврейскихъ купцовъ. Въ подвальномъ этажѣ устроены галантерейныя, мускотильныя и особенно фруктовыя лавки; предъ фруктовыми въ прямой линіи разставлены квадратныя зеленые столы, на которыхъ во всякое время года, особенно лѣтомъ и осенью, найдете лимоны, апельсины, сливы и разныхъ сортовъ яблоки и груши; изъ послѣднихъ особенно замѣчательны своимъ вкусомъ и величиною *сапжаски* — такъ называемыя именемъ Казимира Сабѣя, вывезеннаго этотъ сортъ грушъ въ 1965 году изъ Венгріи и разведеннаго ихъ въ родовомъ своемъ имѣніи — вѣстечкѣ Березицѣ (Мин. губ. пгум. уѣз.), незадолго до своей смерти (188). Во второмъ этажѣ помѣщаются довольно богатые магазины чайныя, шелковыя, суконныя и вообще съ красивымъ товаромъ; особенно замѣчательны: чайный русскаго купца Ракова,

(188) Niszecki, t. IV, str. 30.

шелковые и суконныя еврейскія — Гурвича, Дурія и Шайкевича, и галантерейный Дельмена. Въ третьемъ этажѣ помѣщаются жильныя комнаты. Противъ гостиннаго двора, въ виду собора, тянется длинная линія табачныхъ, мускотильныхъ, етцевыхъ и разныхъ мелкихъ лавокъ, предъ которыми на некоторомъ разстояніи, стоятъ маленькія зеленые такъ называемыя *живильныя столы* для мѣны денегъ. Позади этихъ лавокъ устроены полукругомъ другой гостинный дворъ съ чайными магазинами большею частью русскихъ купцовъ; къ нимъ примыкаютъ и нѣсколько маленькихъ лавочекъ съ молокомъ, масломъ, сыромъ и яйцами. По правую сторону главнаго гостиннаго двора возвышается ратуша, въ зданіяхъ которой, между прочимъ, помѣщается театр, состоящій въ настоящее время подъ покровительствомъ мѣскаго губернатора. Прежде мѣскаго театра была въ рукахъ частнаго содержателя и находилась въ стѣнахъ большаго каменнаго дома Лиховскаго. Въ мое время содержателемъ былъ драматическій артистъ Хелмиковский; труппа его состояла была довольно старательно; изъ актеровъ особенно замѣчательными считались: комикъ Дроздовскій, трагикъ Саркеничъ, и госпожи: Жуковская, Войцѣховская, Грабская, сестры Ашнергеръ, и болѣе всѣхъ отличалась г-жа Хелмиковская, жена самого антрепренера. Нынѣ г. Хелмиковский находится съ своею труппою въ Коново. Вмѣсто него назначенъ смотрителемъ или управляющимъ театра штатный чиновникъ, а театръ перенесенъ въ ратушу. Ратушный театръ несравненно, по довольно красиво и изящно отдѣланъ, чѣмъ обязанъ бывшему мѣскаму губернатору А. В. Семёнову; по ходатайству его, назначенъ играть для театра, съ производствомъ актерамъ опредѣленнаго жалованья. Во время настоящаго моего проѣзда чрезъ Минскъ, болѣе другихъ славилась г. Новиковъ и Широковъ, и г-жа Милудская; послѣдняя, говорить, очень недавно вышла замужъ не за актера. Между старымъ театромъ и ратушею расположенъ небольшой круглый бульваръ, озабоченный въ два ряда въковыми офиціальными топилями, образующими изъ себя довольно тѣсную аллею; въ срединѣ бульвара раздѣленъ маленькій паркъ или, правильнѣе, двѣтъкъ. Бульваръ посѣщается мѣсчанами больше лѣтомъ, когда возлѣ ратуши играетъ городская музыка; въ это время по вечерамъ обѣ аллеи, круглая и поперечная, наполняются самымъ лучшимъ обществомъ горожанъ и горожанокъ, раздѣтыхъ не хуже петербургскихъ красавицъ; жидовъ на этотъ разъ не пускаютъ, они блуждаютъ вѣк орады бульвара. Зато по субботамъ весь бульваръ наполняется смуглыми, черноокими жидовками, большая часть изъ нихъ одѣта чисто, но случаются и разстрепанныя *балабасты* (женщины, жены)

мѣчена жителями города, взята и поставлена въ такъ называемой *Замковой* Рождества Богородицы церкви 13 августа 1500 года; тамъ находилась она 116 лѣтъ. Отсюда, по распоряженію униатскаго митрополита Рутскаго, въ 1616 году перенесена въ Святодуховскую церковь, гдѣ надъ многими изъ приблывшихъ къ помощи Песбной Заступницы совершился чудеса Божіей благодати (189). По уничтоженіи же въ Минскѣ унии, икона эта сдѣлалась достояніемъ православнаго собора, сначала стараго, а теперь новаго. Такимъ образомъ святая эта около четырехъ вѣковъ сохранялась въ Минскѣ и была свидѣтельницею снѣра народнаго благогощенія и утвержденія православія въ мѣсскомъ краѣ, потомъ быстрой отъ гоненій со стороны польскаго католичества, старавшагося уничтожить православіе въ Минскѣ, а наконецъ и торжества, съ каковымъ оно снова возродилось и утвердилось подъ скипетромъ единодержавія. По этотъ образъ Богоматери, былъ долгое время собственностью отторгнутыхъ отъ православной церкви и снова возвращенныхъ въ вѣдра ея униатовъ, не имѣлъ до 1852 года достояніемъ древней святыни украшеній. Супруга нынѣшняго г. начальника Минской губерніи, Е. П. Шкаревичъ, при участіи и содѣйствіи въ которыхъ благотворительныхъ особъ въ Минскѣ и въ Петербургѣ, пожертвовала новую, драгоценную, украшенную камнями, серебряную ризу, которая освещена была 1852 года наканунѣ праздника Рождества Христова просвѣщенными Михаиломъ, епископомъ мѣскимъ и бобруйскимъ. Рядомъ съ соборомъ расположено большое каменное зданіе, въключающее въ себя губернскаго присутственнаго мѣста; оно построено на мѣстѣ сгорѣвшаго въ 1835 году дома гимназіи, которая помѣщается теперь въ новомъ каменномъ большомъ зданіи на углу Францисканской улицы; въ зданіи гимназіи, кромѣ воспитанниковъ, пансіонеровъ, живутъ директоръ и инспекторъ. Разными лучшими и благотворительными для воспитанниковъ западно-русскаго края нововведеніями гимназіи много обязана нынѣшнему своему директору М. Е. Десницкому. Кромѣ гимназіи есть еще дворянское училище, состоящее изъ пяти классовъ.

На Высокомъ Рынкѣ помѣщаются и другія учебныя заведенія. Такъ, близъ собора, на углу Бернардинскаго и Соборнаго переулковъ, въ домѣ Зимницкаго (прежде палата Кюмичинскаго) помѣщается еврейское училище, до 1845 года существовавшее подъ названіемъ Талмудъ-Гора и не имѣвшее никакихъ правъ. При вѣдѣніи мѣскаго гражданскаго и учебнаго начальства и при усердномъ

(189) Stebelski, Żywoty SS. Ewfozjuszy i Parascewii, t. I, str. 112.

(190) Собр. ар. грам. и акт. Мин. губ. № 65 и 90.

сообщений самих минских евреев, в особенности купцов: Гурвича, Дуря, Шайкевича, раввина Галпера и учителя Левина, учащие это преобразовано соотвѣственно изданнымъ отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія правиламъ со введеніемъ преподаванія русскаго языка и ариметрики. Торжественное обновленіе Таумуль-Торы происходило въ маѣ 1845 года, въ присутствіи г. бывшего виленскаго военного, гродненскаго, минскаго и ковненскаго генералъ-губернатора О. А. Мирковича. При этомъ случаѣ два еврея, Левинъ и Левица, назначенные начальствомъ въ учителя, провозгласил, одинъ на русскомъ, а другой на нѣмецкомъ языкѣ, рѣчь, въ которыхъ изобразили свое прежнее отчужденіе отъ другихъ евреевъ, населяющихъ Россію и радость объ уничтоженіи этой преграды между ними и прочими согражданами благодіемъ Монарха. Есть также дѣтскій пріютъ, основанный при бывшемъ минскомъ гражданскомъ губернаторѣ А. В. Семеновѣ. Пріютъ помѣщается на углу Койдановской и Феландской улицъ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ еще не такъ давно, именно въ 1833 году, существовалъ пріютъ Рохитовъ, построенный нѣкогда въ 1752 году совратившимся въ польское католичество бывшимъ бѣлорусскимъ помѣщикомъ Шинко. Въ пріютѣ воспитываются и дѣвочки, и мальчики; содержаніе его обезпечено пожертвованіями. Смотрѣніе за дѣтми вверено начальницѣ и ея помощницамъ, которыя состоятъ также изъ учительницъ; всѣ онѣ живутъ въ зданіи пріюта. Въ пріютѣ воспитываются исключительно бѣдные дѣти, особенно дѣвочки. Дочери же состоятельныхъ родителей получаютъ воспитаніе въ благородныхъ пансіонахъ, между которыми первое мѣсто занимаетъ пансіонъ госпожи Парикель, начальницы всесторонне образованной, и въ добавокъ очень хорошо владѣющей русскимъ языкомъ, что одно ставитъ ее выше прочихъ содержательницъ минскихъ пансіоновъ, большую часть не знающихъ русскаго языка, а между тѣмъ состоящихъ воспитательницами дѣвочекъ въ русскомъ краѣ. Въ пріютѣ этого достоинства есть и другія въ г-жѣ Парикель: она очень внимательна къ своему заведенію, беспристрастна къ воспитанницамъ и снисходительна къ болѣе бѣднымъ родителямъ, желающихъ доставить пансіонное воспитаніе своимъ дочерямъ, но не имѣющимъ возможности платить назначенной для всѣхъ (рѣдъ) платы; такимъ родителямъ она дѣлаетъ уступки и нѣрѣдко значительныя. Пансіонъ ея находится на углу Бернардинскаго переулка и Зыбковской улицы, въ домѣ Бенедиктинскъ. Послѣ заведенія г-жи Парикель слѣдуетъ пансіонъ подъ фирмою *Монтгеранди*, въ улицѣ Францишканской. Въ свое время этотъ пансіонъ славились на всю Минскую губернію; даже дочери помѣщиковъ Монт-

левской и Гродненской губерній поступали въ пансіонъ Монтгеранди; особенно пользовалась онымъ извѣстностью при нѣкогда бывшемъ минскомъ губернаторѣ Долгоруковѣ; но съ вѣдьмою его изъ Минска оны ушли и нынѣ стоятъ въ числѣ второстепенныхъ. Здѣсь садуютъ пансіоны: г-жи Шрейдеръ, въ Захарьевской улицѣ; панси Блещитъ, на Ляховскомъ предмѣстьи, и наконецъ менше всѣхъ извѣстный пансіонъ г. Степановича, въ Францишканской улицѣ.

Къ числу замѣчательныхъ зданій Высокаго Рынка должно отнести лютеранскую церковь, въ Захарьевской улицѣ, построенную въ 1846 году частью пособіемъ правительства, частью сборами городского протестанскаго общества. Зданіе церкви очень красиво и совершенно похоже на зданія православныхъ храмовъ: вокругъ церкви — погостъ и ограда; говорятъ, на погостѣ будетъ кладбище въ замѣнь настоящаго лютеранскаго кладбища, лежащаго близъ хутора *Медвѣжьица*, между койдановскою и старою такъ называемою *Восточною* или калварскою дорогами, и отстоящаго отъ церкви чуть ли не на три версты. Зато оно очень хорошо устроено и скропѣе похоже на густой садъ или дѣсь, чѣмъ на кладбище; обнесено окопомъ и рвомъ и засажено фруктовыми деревьями. Многіе изъ горожанъ ходятъ сюда гулять и собирать грибы.

Лютеранская церковь замыкаетъ собою предѣлы Высокаго Рынка, граничащаго съ Новымъ Мѣстомъ улицами Доминиканскою и частью Захарьевской, которая, образовавъ уголъ съ Доминиканскою, и идетъ архіерейскаго двора и потомъ въ виду городского сада соединяется съ борисовскою почтовою дорогою.

Подъ Новымъ Мѣстомъ, или Новымъ Рынкомъ, разумеется часть города, занимающая пространства, во первыхъ, отъ почтамта до Ляховки, во вторыхъ, отъ Палебскаго моста до конца Кошарской улицы и Игуменской заставы. Названіе такое оно получило отъ новоустроенной между архіерейскимъ дворомъ и почтовою участію площади, на которой по воскресеньямъ производились городскіе торги. Бывало, сюда собирались поселане и одношворцы со всѣхъ окрестныхъ селъ, деревень и застѣнковъ съ разными товарами. Съ самаго ранняго утра площадь наполнялась безчисленными тележками, колыхагами, возами и *колесами* (бѣлорусская особая устроенія телега, въ родѣ петербургскихъ *домовыхъ*) съ зерновымъ хлѣбомъ, ономомъ, гречей, просомъ, мукой, картофелемъ, свеклой, лукомъ, чеснокомъ и разными крупами, съ яйцами, курами, индюками, утками и дичью, съ масломъ, сметаномъ и молокомъ. Болѣе зажиточные сельскіе хозяева приѣзжали съ живыми кабанями, теленками, коровами и даже лошадьми. Тутъ же помѣщались и воли

съ дровами, лыками, пенькою, драпью, лучиною и веревками. Хаосъ страшный! Воскресные торги съ площади Нового Мѣста перенесены за городъ на бывший Конный рынокъ; а Кошарный рынокъ перенесенъ къ еврейскому кладбищу, вследствие чего и еврейское кладбище переведено къ койдановской дорогѣ, за версту отъ прежняго. Такое благотѣльное распоряженіе дало возможность Новому Мѣсту или Рынку получить другое, болѣе приличное назначеніе. Площадь уравнили, насыпали щебнемъ и оградили барьерами; у барьеровъ всѣхъ четырехъ сторонъ площади насадили въ два ряда кленовыхъ деревьевъ, и такимъ образомъ явился очень недурный бульваръ. Во время такъ называемыхъ *контрактныхъ* или дворянскихъ выборовъ, начинающихся съ 19 марта, а еще правильнѣе, во время ярмарки июньской, на новой площади устраиваются магазины для помѣщенія привозимыхъ изъ Кіева, Кролевецъ, Вильно, Одессы, Москвы, Варшавы и даже изъ Пруссіи товаровъ: шелковыхъ, хрустальныхъ, фарфоровыхъ, бронзовыхъ, серебряныхъ, золотыхъ и бриллантовыхъ. Но между привозными товарами помѣщаются въ нѣкоторыхъ магазинахъ предметы туземныхъ минскихъ фабрикъ, напримеръ: сукна фабрикъ графа Потоцкаго, Кампскаго и Скирмунта, и бумажныя матеріи въ магазинахъ графа Тышкевича. Кромѣ того въ контрактныхъ магазинахъ найдете мужскую и женскую обувь минской работы, славящуюся изъ цѣлой Бѣлоруссіи, и въ болѣебольшемъ количествѣ вывозимую въ Кіевъ во время зимнихъ контрафтовъ: говорятъ, одинъ Богоревичъ нѣсколько сотъ готовыхъ сапоговъ сбываетъ на кievской ярмаркѣ. Московскіе книгопродавцы привозятъ русскія книги и тѣмъ восполняютъ недостатокъ минскихъ книжныхъ магазиновъ, наполненныхъ болѣе польскими, французскими и отчасти нѣмецкими, но не имѣющихъ новыхъ, современныхъ сочиненій на русскомъ языкѣ. А вѣдь нельзя упрекнуть минчанъ, что они не читаютъ русскихъ книгъ. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ при мнѣ получали съ почты сочиненія русскихъ классиковъ смиртинскаго изданія и журналы: «Современникъ», «Отечественныя Записки» и «Москвитининъ». Не говорю уже о русскихъ газетахъ: ихъ можно встрѣчать въ каждомъ зажиточномъ домѣ. Въ подтвержденіе охоты минчанъ къ чтенію русскихъ книгъ можно привести то обстоятельство, что въ Минскѣ, по просьбѣ самихъ жителей, вследствие ходатайства бывшего минскаго губернатора А. В. Семенова, учреждена публичная бібліотека, которая выписываетъ всѣ русскія журналы, газеты и разныя отдѣльныя сочиненія для доставленія небогатымъ людямъ возможности слѣдить за ходомъ отечественной литературы. Бібліотека устроена при губернаторской канторѣ и состоитъ въ вѣдѣніи правительства.

Судя по такому количеству товаровъ въ контрактныхъ магазинахъ, естественно можно ожидать и большого числа покупателей. Покупателями этими бываютъ приѣзжіе помѣщики и вообще дворянство, для котораго устраиваются на Высокомъ Рынкѣ въ домѣ Гейдукевича, *кассини* (отъ итальянскаго *casino*, уселительный домикъ), то есть танцевальныя собранія, которыя, впрочемъ, бывають въ Минскѣ и въ другое время, особенно зимой — въ карнавалъ; распорядителемъ ихъ г. *Делонесъ*, бывший городской голова. Кромѣ того для приѣзжихъ открыты театр, разныя акробатическія и гимнастическія представленія. Кофейни, трактиры и кондитерскія довольно порядочны; изъ трактировъ извѣстнѣе прочихъ ресторация Фогеля и особенно Цыбульскаго, на Высокомъ Рынкѣ въ однопомъ зданіи съ старымъ театромъ. Во время контрафтовъ въ трактирахъ и кондитерскихъ играетъ музыка.

На углу поворынковскаго бульвара, на значительномъ возвышеніи, но направленію къ городскому саду, расположенъ архіерейскій дворъ, выходящій обширное каменное зданіе епископскихъ комнатъ, соединенное со стѣнами домовою теплою церковью и оакой-лѣнное съ одной стороны цѣпникомъ, заслоненнымъ отъ бульварной площади старинными липами и рѣшетатою оградомъ, съ другой — большимъ садомъ, съ третьей — уютнымъ флигелемъ для помѣщенія домашней канцелярши и секретари, съ четвертой — монашескими кельями и нѣмецкимъ домомъ. Архіерейская церковь небольшая, но очень хорошо устроена и замѣчательна греко-византийскою живописью иконовъ. Преданіе говоритъ, что гора, на которой раскинуто архіерейскій дворъ, была мѣстомъ кладбища какой-то очень древней церкви, но какой именно неизвѣстно достоверно, потому что объ ней не упоминается ни въ древнихъ актахъ Минской губерніи, ни въ метрическихъ запискахъ, ни въ городскомъ инвентарѣ (11). Можно думать, что гора эта составляла нѣкогда одно цѣлое съ горю, лежащею противъ архіерейскаго двора и примыкающею къ Юрьевской улицѣ, но впоследствии разрыта для проведенія Захарьевской улицы отъ нынѣшняго бульвара до городского сада. Въ Минскѣ есть старожилы, которые полагаютъ, что Захарьев-

(11) Говорить только, что вождь этой горы была *Оцевова* улица; а объ ней упоминается въ актѣ 1620 года (Соб. ар. грам. и акт. Минск. губ., № 74, стр. 133).

